

Если вспомнить всё семейство Ли, каждый в нём был при деле. Старина Ли целыми днями пропадал на грядках, точно увлечённый садовод новой эпохи, пытаясь вывести отборный сорт корня свиной травы. Ли Даосэнь вместе с Циланом брался за любую плотницкую работу, которую заказывали односельчане. На плечи Ли Эрлана ложился самый тяжёлый труд: натаскать воды, нарубить дров, вспахать поле. Матушка Ши-ши и Цяо-ши вели домашнее хозяйство. Жена Эрлана, У-ши, вместе с мелкими племянниками приглядывала за скотиной и возилась во дворе. Даже беременная Вэнь-ши, жена Цилана, помимо забот о грудном Цзюбао, умудрялась выкраивать время на шитьё и вышивку.

На их фоне оболтус Ли, умеющий только сладко есть, крепко спать да бить баклуши, казался несусветным лодырем.

Да уж, не будь Старина Ли столь слеп в своей любви к младшему сыну и не держи он в руках всю семейную казну да последнее слово, Ли Сяосяо ни за что не видать такой беззаботной жизни.

От этой мысли Ли Сяосяо даже передёрнуло.

«Нет, так дело не пойдёт, — подумал он. — Я ведь тоже часть этой семьи, надо и мне приносить пользу!»

Если и дальше сидеть сложа руки, терпение старших братьев лопнет. Тогда даже слепая отцовская любовь не спасёт его от праведного гнева домашних. В конце концов, Старина Ли и Ши-ши уже давно не молоды, и Ли Сяосяо было искренне совестно заставлять стариков и дальше надрываться ради него.

Ши-ши звал его несколько раз, но, так и не дождавшись ответа, просто легонько ущипнул парня за щеку.

— Сяо Ци... Сяо Ци! Стоишь тут столбом, о чём задумался? — Матушка заставил его очнуться. — Ну да ладно, на сегодня с делами покончено. Иди к себе, отдохни. Да, и не засыпай сразу, перед сном мне нужно с тобой поговорить. Жди в комнате.

Увидев, что сын наконец пришёл в себя, он удовлетворённо махнул рукой, отсылая его отдыхать.

Время ещё терпело. Впереди оставалось целых полгода, и торопиться, взваливая на Ли Сяосяо всё и сразу, не имело смысла. Этим днём Ши-ши нарочно привлёк его к домашней работе, чтобы тот хотя бы в общих чертах понял, что к чему. А уж в будущем они вместе с Цяо-ши постепенно, шаг за шагом, обучат его всему необходимому.

— Ой... Хорошо, матушка. Я пойду к себе, — потирая горящую щеку, пробормотал Ли Сяосяо.

Лёгкая боль в щеке мигом выветрила из головы Ли Сяосяо весь его героический настрой, зато новость о заслуженном отдыхе несказанно обрадовала. Весело попрощавшись с матерью, он чуть ли не вприпрыжку побежал в свою комнату.

«Ладно, дела сегодняшние сделаны, а завтра будет новый день и новые заботы», — рассудил он.

Раз уж первый долг семье отдан, можно со спокойной совестью поваляться. О завтрашних хлопотах он подумает завтра. Устав за полдня с непривычки, Ли Сяосяо мечтал лишь об одном — доползти до постели и распластаться на ней безвольной медузой.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет.

Ли Сяосяо, вопреки обыкновению, проснулся сам, без грозных окриков Ши-ши. Он лежал, уставившись в потолок, и тупо размышлял. На душе было так паршиво и сумбурно, что сна не было ни в одном глазу.

«Вот же чёрт!»

Вчерашний ночной разговор с матушкой принёс новости, от которых волосы на голове дыбом вставали. Он разом узнал две вещи, повергшие его в полнейший шок.

Во-первых, оказывается, всего месяц назад его обручили с Цзюнь Даланом из соседней деревни Малого Ковша. И ладно бы просто обручили — они, если верить Ши-ши, едва ли не с пелёнок росли вместе!

Во-вторых, следующие полгода ему строжайше запрещалось совать нос за калитку. Всё это время под присмотром Ши-ши и Цяо-ши он обязан прилежно осваивать премудрости, подходящие приличному гэеру. Ведь ровно через шесть месяцев его ждёт замужество и переезд в дом семьи Цзюнь...

«Да чтоб вас всех! Какое ещё замужество?! Какой домашний арест?!»

К чёрту помолвку, к чёрту запреты и к чёрту эту свадьбу!

Не будь Ши-ши вчера столь суровым и непреклонным, Ли Сяосяо, у которого сердце от страха чуть не выпрыгнуло из груди, закатил бы грандиозную истерику и высказал всё, что думает об этом браке. Но духу не хватило.

Но не успел он даже мысленно составить план деликатного отступления и придумать, как бы

помягче отказать матушке, как тот огорошил его очередной новостью.

Выяснилось, что в день его обморока именно Ли Канпин из усадьбы на задней горе наткнулся на бездыханное тело и велел Чжу Сяохуа сбегать в деревню, чтобы предупредить родных. Так что сегодня, сразу после обеда, Старина Ли вместе с Ли Сяосяо должен отправиться в усадьбу с подарками, дабы выразить спасителю официальную благодарность.

Выпалив всё это, Ши-ши лишь ласково потрепал его по вихрам и молча вышел, оставив его наедине со своими мыслями.

Ли Сяосяо долго смотрел на закрывшуюся дверь. Только теперь до него дошёл истинный смысл вчерашних слов матушки: «Ладно, завтра отец возьмёт тебя с собой».

Взъерошив пятернёй волосы, он обречённо уткнулся лицом в подушку. Растерянность мешалась с глухим страхом перед неизвестным будущим.

Да, придя в себя и осознав, что переродился в теле гэера, он смирился с этим фактом. Но боги, он и подумать не мог, что ему придётся выходить замуж за мужчину!

Вытянувшись на постели и тупо глядя в потолок, Ли Сяосяо принялся усердно копаться в чужой памяти, выуживая хоть какие-то крупницы сведений о женихе.

Труды почти не увенчались успехом. Все воспоминания прежнего глуповатого Ли Сяосяо о Цзюнь Далане сводились к трём простейшим ярлыкам: «весело», «вкусно» и «хороший».

«Весело» — потому что тот всегда брал его с собой в лес и на гору пострелять из рогатки или половить кузнечиков.

«Вкусно» — парень постоянно подкармливал маленького обжору всякими дикими ягодами, сладкими корнями и печёными каштанами.

«Хороший» — Цзюнь Далан никогда его не обижал, защищал от деревенских задир и потакал любым капризам.

На этом, увы, багаж знаний о будущем супруге исчерпывался.

Как ни странно, куда отчётливее в его памяти запечатлелся образ Дедушки Цзюня — деда его наречённого.

И на то была веская причина.

Когда прежнему Ли Сяосю исполнилось восемь лет, Старина Ли впервые взял его с собой в гости к Цзюням. И там мальчишка, сам того не понимая, благодаря детскому упрямству и какому-то интуитивному чутью помог старому воину разрешить многолетнюю беду.

Судя по обрывкам воспоминаний, история вышла примечательная.

В молодости Дедушка Цзюнь служил главным мастером сопровождения в одном из уездных охранных агентств. Но во время какого-то опасного похода случилась беда: старик лишился левой ноги чуть ниже колена. С тех пор он мог передвигаться лишь опираясь на тяжёлую клюку.

С такой увечной ногой о прежнем ремесле пришлось забыть. Залечив раны, он забрал домочадцев и перебрался на покой сюда, в деревню Малого Ковша.

Перенесенное несчастье скверно сказалось на характере старого бойца. Он стал нелюдим и суров, а его вечно хмурый вид наводил страх на всю округу. Соседи обходили его дом стороной, а деревенские ребятишки при виде грозного деда и вовсе заливались слезами.

Но Ли Сяосю трусом не был. Пусть умом он тогда не отличался, но врождённое чутьё из прошлой жизни у него не отняли бы никакие невзгоды.

Когда отец представил его грозному старику, малец не только не испугался, а наоборот — подбежал вплотную, бесцеремонно обхватил руками его деревянную культю и принялся засыпать ошарашенного ветерана градом наивных вопросов.

Присутствующие обомлели. У Старины Ли едва инфаркт не случился, да и родные Цзюня замерли в ужасе, не зная, как реагировать на подобную наглость. Однако никто не посмел вмешаться, пока любопытный ребёнок исследовал искалеченную конечность.

К счастью, Дедушка Цзюнь быстро пришёл в себя. Проявив небывалое великодушие, он бережно отстранил мальчишку и с явным любопытством спросил, отчего тот ни капли его не боится.

О чём именно они тогда толковали, в памяти не отложилось. Зато Ли Сяосю хорошо помнил, что сразу по возвращении домой отец заперся в своей мастерской. Охваченный внезапным вдохновением, Старина Ли больше двух недель не выпускал из рук плотницкие инструменты, начисто позабыв про любимого сына.

Когда год спустя они снова навестили соседей, Сяосю с удивлением обнаружил, что калека больше не хромот. Старина Ли смастерил для него удивительно точный и удобный деревянный протез, который полностью заменял отсутствующую часть ноги.

Убедившись, что дед теперь ходит не хуже других, глуповатый Ли Сяосю потерял к его ногам

всякий интерес. Однако за последующие годы старик успел привязаться к нему всей душой.

Да и как иначе? Пожалуй, во всём свете только собственные родители любили и баловали его сильнее, чем этот суровый ветеран.

<http://bllate.org/book/20616/2132182>